

Василий Брусянин

Рыжаковский пустырь

Василий Васильевич Брусянин

Рыжаковский пустырь

Серия «Опустошённые души»

Аннотация

«Рыжаковский пустырь... Так называется необитаемое место, огороженное от улицы досками и примыкающее с двух сторон к усадьбам местного прокурора Савичева и купца Холодильникова. А сзади, за пустырём, тянется большой и угрюмый лес монастырского Иоанновского подворья со скитом, где дни и ночи молятся Богу благочестивые схимники.

На большом пустынном четырёхугольнике кое-где растут старые берёзы и сосны, по канавам топорщится лохматый кустарник – бузина, волчьи ягоды и лоза, оставшееся воспоминание былых топких болот, на которых построен наш странный маленький городок. Глубокие канавы прорезали пустырь, осушая болота, канавы осыпались, заросли травой, и почти всё лето стоит в них зелёная и затхлая вода. По весне пустырь оглашают нестройные, противные хоры лягушек, когда они спариваются и как-то особенно ухают и плещутся в тёмной воде...»

Василий Брусянин

Рыжаковский пустырь

Рыжаковский пустырь... Так называется необитаемое место, огороженное от улицы досками и примыкающее с двух сторон к усадьбам местного прокурора Савичева и купца Холодильникова. А сзади, за пустырьём, тянется большой и угрюмый лес монастырского Иоанновского подворья со скитом, где дни и ночи молятся Богу благочестивые схимники.

На большом пустынном четырёхугольнике кое-где растут старые берёзы и сосны, по канавам топорщится лохматый кустарник – бузина, волчьи ягоды и лоза, оставшееся воспоминание былых топких болот, на которых построен наш странный маленький городок. Глубокие каналы прорезали пустырь, осушая болота, каналы осыпались, заросли травой, и почти всё лето стоит в них зелёная и затхлая вода. По весне пустырь оглашают нестройные, противные хоры лягушек, когда они спариваются и как-то особенно ухают и плещутся в тёмной воде...

Рыжаковский пустырь... Проклятое, легендарное место, обвеянное призраками смерти...

Много лет назад на одной из старых берёз пустыря повесился купеческий сын Павел Рыжаков, и с тех пор никто из его родственников и наследников не хочет поселиться

на страшном месте. Ждал Павел Рыжаков от своего отца наследства и мечтал получить большой каменный дом на видной улице города. А когда, после смерти старика, вскрыли пакет с завещанием, все узнали, что Павлу, нелюбимому младшему сыну, отец отказал пустырь болот, а другой брат его и сестра получили по каменному дому и мельнице на семь поставов. Пошёл оскорблённый Павел Рыжаков на свой пустырь, забрался на толстый сук корявой берёзы и повесился. И дней пять висел с вытянутыми руками и ногами, с раскрытым ртом, вытаращенными глазами и с длинно высунутым распухшим языком.

Стали собираться на пустырь голодные городские собаки, толпились у роковой берёзы, лязгали пастями и выли от голода и неудовлетворённого желания добраться до разлагающихся останков Павла Рыжакова. А над вонючим трупом с утра до вечера с криком носились стаи ворон. Голодны были и птицы и, садясь на берёзу, подкрадывались к вонючим останкам Павла Рыжакова. Пошли люди посмотреть, почему над пустырём носятся стаи ворон, и почему собаки воют и грызутся около старых берёз. И увидели люди разлагающийся труп купеческого сына, обиженного отцом.

Много лет прошло с тех пор, и никто не может указать, на какой берёзе повесился купеческий сын. Но никто не может забыть, что на этом пустыре повесился человек. И все в городе зовут место гибели купеческого сына Рыжаковским пустырём.

И вот на этом страшном месте дети играют свои весёлые игры. Были дни, когда над Рыжаковским пустырьём носились крикливые голодные вороны, а теперь по пустырю с утра до вечера носятся толпы городских ребят. Играют дети в свои весёлые игры и точно не хотят помнить, что это место зовут люди проклятым, и что здесь когда-то повесился обиженный отцом купеческий сын. В дощатом заборе, отделявшем пустырь от улицы, проделали дети лазейки и через эти широкие щели пролазают на пустырь и там играют.

И довольны дети, что около их жилищ имеется такое место, где, чем хочешь, тем и занимайся. Никому здесь дети не мешают, и им никто поперёк дороги не становится. А, главное, к ним на пустырь никогда и никто из взрослых не заходит со своими указаниями и нотациями. И выбирают дети игры по своему желанию и веселятся и резвятся, как душе угодно.

Играют они в солдатские ученья и в битвы, в разбойники, в футбол, в городки и в мушку. Когда была Русско-японская война, на Рыжаковском пустыре велась своя война, но не похожа была на ту истинную войну, которая шла где-то там, на Дальнем Востоке. На Рыжаковском пустыре было установлено так, что русские побивали японцев. Мало это походило на ту правду, с которой копировали дети свою игру, но что же с ними поделаешь? У детей свои симпатии и своя детская логика. А случилась эта игра, непохожая на правду, благодаря двум мальчикам из благородных семей.

Вся мальчишеская ватага, излюбившая Рыжаковский пустырь, делилась на две партии. Одну, большую партию, составляли дети мещан, живущих по ту сторону кладбищенской улицы, дети ремесленников, мелких служащих, дворников и кучеров из купеческих и чиновничьих домов и, вообще, всякая жизненная мелкота, и уличные босоножки и замарашки. В другой, меньшей численно, группе был другой состав представителей рода человеческого. Во главе благородных дневных обитателей Рыжаковского пустыря состояли два гимназиста: Лёша Снегирёв, 14-летний сын капитана местного полка, и Женя Савичев, сын местного прокурора. Жене 15 лет. Он – высокий, стройный, ловкий. К ним же примыкали два брата Холодильниковы, дети купца: 12-летний Шура, обучавшийся в уездном училище, и 15-летний брат его Корнил, реалист. Затем следовали два брата Страннолюбские, погодки, дети кладбищенского батюшки, Коля и Костя, обучавшиеся в духовном училище. Иногда в этой группе благородных мальчиков появлялся и Стёпка, с кличкой «Пырник», длинный и большой верзила, сын торговца мясом Мартемьянова. Последний мало подходил к основной группе детей из благородных семей, но его терпели за силу и ловкость, а главное за то, что он с успехом отражал нападения мещанских ребят, соседей по играм на пустыре.

Терпели дети благородных родителей и 10-летнего Кузьку Свищова. Отец Кузьки служил у прокурора в кучерах, и Женя Савичев ему покровительствовал как человеку, живуще-

му под одной с ним кровлей. Кроме того, Кузька был удобный товарищ. Большие посылали его в рискованные предприятия первым, и он выполнял, что приказывали, потому что знал, что всякое неисполнение приказаний окончится угрозой, и его будут гнать играть в группу мещанских детей. С большим успехом и без рассуждений Кузька исполнял и смешные роли, потешая товарищей. А по внешнему облику он походил на любого из благородных детей: мама Жени Савичева дарила Кузьке обноски сына.

В период войн обе группы детей – мещанская и господская – соединялись вместе и по общему уговору начинали войну, строго распределив роли: мещанские дети должны были изображать собою японцев, а дети господские – русское войско. Так это строго исполнялось. Но, к неудовольствию господских детей, выходило так, что мещанские дети, т. е. японцы, всегда почти побеждали русских. Было их больше, были они смелее и выносливее, а главное, у них в отряде было больше порядка и дисциплины... Одним словом, так же как и у настоящих японцев, воевавших на Дальнем Востоке. Были у мещанских детей свои генералы и офицеры, и был один главнокомандующий – Авдошка Серёжкин, сын слесаря. А в группе городских детей всегда почти наблюдались интриги и междоусобицы. Вначале главное командование над армией Рыжакковского пустыря захватил сын прокурора Женя Савичев, а Лёша Снегирёв никак не мог перевернуть этого захвата и уверял Женю и товарищей, что ему, сы-

ну капитана действительной службы, больше всего пристало командование отрядом. Претендовал на роль командира и один из Холодильниковых, реалист Корнил. И выходили, благодаря этому, недоразумения и провалы в военных походах на детей мещан.

И вот, как-то раз над Женей Савичевым посмеялся его отец, суровый человек и патриот в истинном смысле.

– Как же это, Женечка, у вас выходит так, что японцы побеждают русских? Как будто это не того... не патриотично.

– Что же, папочка, сделаешь? Этих слободских больше, и они такие отчаянные, – отвечал опечаленный и переконфуженный Женя.

– Что ж, что больше, а вы старайтесь победить.

– Не можем, папочка.

И вот, после некоторых размышлений, Савичев решил сманить к себе сластями да деньгами некоторых из слободских ребят, особенно тех, которые не так-то уж крепко были связаны узами дружбы с основным ядром японцев.

И верзила Мартемьянов вначале войны был в рядах японцев.

– Японцы – молодцы, я в жисть от них не уйду, – восклицал верзила и даже грозился. – Мы вас, господских сынков, порешим... Погодите!

Савичев дал Мартемьянову полтинник и коробку с папиросами, которую стянул с прокурорского стола. После этого Пырник передался в русский лагерь. Но и переход Мар-

темьянова не улучшил дел русского отряда на Рыжаковском пустыре: всё же мещанские дети побеждали господских. Так что потом уж только так, из патриотизма, стали считать, что русские войска с Рыжаковского пустыря побеждают слободских японцев.

Когда война на Дальнем Востоке кончилась, дети на Рыжаковском пустыре стали играть в революцию... Собственно, в нашем городе была небольшая революция, но в те годы слухом земля полнилась больше чем когда-нибудь. Слухи эти заражали детей, и на Рыжаковском пустыре начались игры в революцию. Принимали в ней участие и прокурорский сын Савичев, и сын капитана Снегирёв. Потом опять вся ватага играющих разбилась на две группы. Из среды господских детей под командой Савичева и Снегирёва образовалось два карательных отряда, которые и преследовали Рыжаковских и слободских крамольников. Роль крамольников и бунтовщиков исполняли мещанские дети, а руководителями их выступили оба семинариста Страннолюбские.

Наконец наступило время, когда прокурор запретил своему сыну играть с детьми кладбищенского священника, и после этого Женя Савичев принял на себя роль сыщика с именем Нат Пинкертон, а сын капитана, Лёша Снегирёв, сделался главным жандармом и присвоил себе фамилию начальника местного жандармского управления, ротмистра Кожемяки.

После революции дети стали играть в экспроприаторов,

делали набеги на ближайшие фруктовые сады и даже на рыночных торговков. И опять Савичев и Снегирёв командовали карательными отрядами.

Наконец, придвинулась к нашему городу мрачная полоса смертных казней. Изловили на большой дороге у города настоящих экспроприаторов, быстро осудили их на военном суде и повесили. А за этими экспроприаторами изловили ещё каких-то людей, ограбивших купца Вахрамеева среди белого дня. И их изловили, быстро осудили и тоже повесили. Попались с бомбами какие-то барышни и студент или учитель в отставке, так и не определили в точности. И их тоже всех перевешали. Попались с какими-то книжками и с револьверами реалисты и гимназисты, и по городу долго ходили слухи, что и их всех перевешают. Но слухи эти не подтвердились, хотя гимназисты и реалисты до сих пор ещё томятся в тюрьме.

Повисли смертной угрозой над нашим городом казни живых людей, и дети на Рыжакском пустыре стали играть в смертные казни.

* * *

Дети, – маленькие люди, будущие люди, – жили, подражая взрослым. Жадно прислушивались к стройным, красивым аккордам жизни и подражали красивому и стройному. Невольно внимали диссонансам жизни, и зарождающаяся

гармония в их душах расстраивалась... И подражали дети взрослым, как подражает голосу человека эхо в горах и лесной поляне, на глади речной. Целые годы взрослые люди говорили и писали о том, как вешают живых людей. И вот они – маленькие, будущие люди, – надумали повесить своего товарища игр – кучерова сына, Кузьку Свищова. И повесили его на старой берёзе, на Рыжаковском пустыре, где когда-то, по своей воле, повесился купеческий сын Павел Рыжаков.

Эту игру выдумали прокурорский сын Женя и сын капитана Лёша. Вначале слишком часто и много в доме прокурора Савичева говорилось о смертных казнях. Приходят к прокурору друзья его, дамы и кавалеры, и за винтом или за ужином говорили о смертных казнях. Говорили и о других интересных вещах: об артистах, о скачках, об авиации, о том, кому дали новый орден и кого повысили в чине, а главное, – говорили о смертных казнях. Там, в суде и в тюрьме, творят смертные казни, а на журфиксах говорят о сотворённом и точно не знают, как заставить себя, чтобы не говорить о них, чтобы забыть о них. И больше других говорят прокурор Савичев и капитан Снегирёв. А иногда оба они в споре с теми, кому казни кажутся не достигающими цели, кричат:

– Всех... всех преступников надо перевешать!.. Надо очистить жизнь от плевелов!..

И слышалась в этом крике какая-то непонятная жажда крови и смерти.

И Женя подслушал, как однажды папа и капитан Снегирёв

рассказывали гостям, никогда не видавшим смертных казней, о том, что они чувствовали, и как держали себя осуждённые студенты и барышня. А дня через два, когда Лёша и Женя сошлись на Рыжаковском пустыре, сын прокурора начал хвастаться тем, что он слышал:

– Повели их из тюрьмы ранним утром, привели на задний двор тюрьмы. А там уже и палач готов. Стоит у столбов с перекладинами и ждёт... Прочитали бумагу, какую и надо прочитать. Священник хотел исповедовать преступников, а они помотали головами да и посмеялись над священником... Потом набросили на них саваны чёрные-чёрные да и хватъ верёвкой за горло. Повесили безбожников, поболтались они на виселице, а потом их в простые гробы да и в поле... На кладбище таких не хоронят...

Так рассказывал прокурорский сын о том, что он слышал.

По лицу Лёши Снегирёва бродили тени неудовольствия и нетерпения, пока он слушал рассказ товарища. Несколько раз он покушался прервать речь Жени и хотел вставить своё слово, сказать, что он давно уже слышал обо всём этом, что он, если захочет, может рассказать и ещё более занимательное и страшное.

– Ну, об этом я слышал, – наконец с нетерпением выкрикнул он. – Эка невидаль какая!.. Папа рассказывал мне об этом... А вот я знаю ещё историю... Повесили одного цыгана, а он наговор знал... Его повесили, а верёвка-то хватъ и оборвалась... Другую верёвку принесли, сделали петлю

и опять повесили, а верёвка снова оборвалась... Тут рассердился палач, взял, сложил верёвку вдвое да на двойной петле и повесил... Куда там и заговор цыганский полетел: висит цыган на верёвке да и крутится, а язык высунул на поларшина...

– Языка видно не бывает, – заметил присутствовавший при рассказе Кузька Свищов.

– Чего ты знаешь... сопляк!.. – оборвал кучерова сына сын капитана.

– Конечно, не видно, – в один голос заявили оба Холодильниковы. – Как же ты увидишь язык, коли на повешенного надевают саван, вроде как бы мешок?..

В группе детей завязался спор о том, можно видеть или нет язык преступника, когда его повесят.

Поздно вечером, когда дети после игры в футбол расходились по домам, сын капитана Снегирёва выкрикнул:

– Надо и нам повесить Сашку Пузанова... Уж больно он форсит со своим кастетом...

Сашка Пузанов – сын мещанки-калачницы из слободки. Среди уличных ребят он слывёт под кличкой «Разбойник», так как отчаянно дерётся палками и бросается камнями. А когда в прошлом году его дядя подарил Сашке медный кастет, – «Разбойник» стал неукротим. И это смертоносное орудие внушало страх всем дневным обитателям Рыжакковского пустыря.

– Поймаем Сашку, навалимся на него все разом да и от-

нимем кастет, – посоветовал один из Холодильниковых.

– А потом и повесим... Пусть поболтается на берёзе...

– И язык высунет...

* * *

Как-то само собою это случилось, странно-неожиданно, почти случайно, шутя... И когда Савичев, Снегирёв и Холодильниковы вешали Кузьку Свищова, все смеялись. И сам Кузька смеялся и шутил.

Провинился Кузька только перед одним прокурорским сыном, а вешали его все. Это было утром на прокурорском дворе. У Жени есть настоящий прекрасный лук и колчан и стрелы. Задумали Женя и Кузька поохотиться на голубей, которых так много бывает у них во дворе, особенно по утрам. Вынет Женя из колчана стрелу, приставит расщеплённый конец её к тетиве, натянет струну и пустит стрелу в голубя. Кузька должен был исполнять роль сеттера Нептуна. Стоял рыжеволосый мальчуган около своего господина и выжидал полёта стрелы. Много стрел выпустил Женя, но ни в одного голубя не попал. А тут подвернулся настоящий Нептун, любимая собака прокурора, и Женя всадил в бок сеттера свою бысролётную стрелу с металлическим наконечником. Неострый был наконечник стрелы, и не до крови стрела ранила бок собаки, но всё же Нептун со страшным визгом бросился на кухню, а потом и в комнаты. Из комнат выбежал

собравшийся на службу сам прокурор.

– Что такое тут?.. Почему Нептун визжит? – заволновался прокурор.

– Не знаю, папочка... Вдруг почему-то завизжал да и побежал, – смущённо отвечал Женья.

– Ты его ударил?.. Сознайся, поганец!.. – со злобой в голосе выкрикивал прокурор и спешными шагами приближался к сыну.

– Ей-Богу, папочка, я не трогал...

– Врёшь... Поди сюда... Поди и ты, Кузька...

Кузька оказался плохим товарищем и при виде злобных глаз прокурора, обращённых к нему, и чувствуя боль в руке, сжатой прокурорскими пальцами, рассказал всё, как было.

Прокурор отобрал у сына колчан и лук и увёл провинившегося Женью в комнаты, где он и был поставлен в угол часа на полтора.

Когда после обеда Женья появился во дворе, он прежде всего отдул Кузьку. Бил кулаками кучерова сына прокурорский сын и в грудь, и по спине, и по голове. Наконец, размахнулся и ударил Кузьку по лицу так, что из его носа брызнула кровь.

Зная, что после каждого недоразумения с хозяйским сыном Кузьке попадёт ещё и от его отца, потерпевший удрал за каретник и здесь в одиночестве долго плакал и размазывал по лицу собственную кровь.

Часов в шесть вечера Женья Савичев и Лёша Снегирёв

встретились на улице.

– Пойдём, – сказал Женя. – Я тебе что-то скажу...

Они преодолели изгородь Рыжаковского пустыря и остановились у канавы.

– Сходи за Холодильниковыми и за Страннолюбскими...

Будем сегодня вешать Кузьку... Он – фискал!..

И Женя рассказал всю историю с поранением Нептуна.

– Конечно, повесим... Вот фискал проклятый!..

И Снегирёв побежал сзывать товарищей.

Ничего не подозревавший и забывший о своих дневных обидах, Кузька пришёл на пустырь после ужина на кухне.

Оба Холодильниковы, Савичев и Снегирёв играли в футбол и как только завидели «преступника», точно их передёрнула всех одна и та же невидимая сила: стали пересмеиваться да переглядываться. А когда Кузька вошёл в круг играющих, Снегирёв подбежал к нему сзади, обхватил его руками, крепко зажав грудь и руки провинившегося товарища.

– Ага, фискал, теперь мы с тобой расправимся... – без злобы в голосе сказал Снегирёв.

– Казнить его! – выкрикнул кто-то.

Кузька не смутился и не испугался и даже хохотал, раскрывая большой рот и сужая голубые глазки на веснушчатом лице.

Кузьку повели, а он думал: «Вот сейчас предстоит одна из обычных шуток. Господские дети за провинность заставят его проделать какую-нибудь смешную шутку, и он дол-

жен будет исполнить всё, что они прикажут. А после смешной шутки всё забудется, и он опять будет их равноправным товарищем».

– Иди... Иди... – подталкивали его сзади.

И он шёл, связанный по рукам верёвкой, вдоль широкой канавы к прудку, где водятся тритоны и головастики. Кузьке представлялось, что вот приведут его к пруду и заставят войти в мутную воду выше колен. Потом он должен будет, как это проделал неделю назад, наловить головастиков и брать их по одному в рот, а потом выплёвывать. Кузька с замечательным искусством проделывал этот смешной номер своего подневольного шутовства: забирал в рот головастика, живого и холодного, слегка сдавливал его губами и как косточку от вишни выплёвывал, подняв лицо кверху.

Миновали прудок с головастиками, и Кузька подумал, что, должно быть, на этот раз товарищи применят к нему более серьёзное наказание. Должно быть, его заставят ходить босыми ногами по крапиве, которая растёт за прудком, там, где стоят старые и большие берёзы. Этого наказания Кузька уже не любил и считал высшим и строгим приговором. Но он готов был претерпеть и это наказание, лишь бы только товарищи не исключали его из своей среды и не гоняли играть к детям мещан.

Дойдя до берёз, Кузька заволновался и серьёзно надумал протестовать и попытаться вырваться. Ему вдруг пришла мысль, что если его уже наказал Женя своею властью и раз-

бил нос, то наказания этого довольно... И он поджал ноги и силился опуститься на землю... Руки, державшие его, напряглись, и он почувствовал, как его подняли от земли и понесли... Несли с шутками и смехом, и это ободряло Кузьку и сглаживало в нём зарождавшееся неудовольствие. И он начал дурачиться, то притворяясь плачущим и боящимся казни, то вдруг делал лицо своё негодующим с нахмуренными бровями...

– Казнить... казнить его! – с улыбкой на лице кричал Снегирёв.

– Казнить через повешение! – вторили братья Холодильниковы.

– Повесить его на берёзе как изменщика товарищеским правилам! – деланно-серьёзным тоном кричал и Женя Савичев.

Кузька повеселел. Он сообразил, что наказания хождением по крапиве босыми ногами не будет. А просто возьмут его товарищи, подведут к какой-нибудь берёзе, прочитают в бумажке наказание и сделают вид, что вешают... Ведь продавали же они это дня три назад над одним из Страннолюбских, когда тот не захотел исполнять правил игры в футбол. И ничего худого от этого Страннолюбскому Коле не было... Повозились у берёзы, посмеялись, покричали и опять пошли играть все вместе в футбол.

У старой дуплистой берёзы с искривлёнными ветками и обнажёнными корнями дети-каратели остановились. Кузь-

ка теперь уже не вырывался из рук и не хотел бежать, а стоял смиренно с деланно-печальной миной на лице. Потом ему вдруг стало весело, и он захохотал...

– Тише... Тише... Выслушайте приговор! – крикнул Холодильников-старший и полез на берёзу.

Немного отступив от остальной группы ребят, Снегирёв вынул из кармана куртки какой-то клочок бумаги и стал читать:

– По решению военного суда на Рыжаковском пустыре, мы приговорили Кузьку Свищова к повешению за фискальство...

– Казнить, казнить его! – кричал Холодильников-старший, сидя верхом на толстом суке берёзы и перекидывая через сук тонкую и длинную верёвку.

Снегирёв сделал из верёвки петлю и накинул её на шею Кузьки. А тот всё с той же деланно-печальной миной на лице повторял:

– Пощадите... Пощадите... Никогда не буду...

И все смеялись, и смеялся он, кучеров сын...

Потом он поднял руки и хотел было снять с шеи верёвку. Он почувствовал, что петля уже очень больно стягивает ему горло, так что дышать становится трудно, и вдруг как-то затошнило...

Дальше он уже ничего не помнит, что было...

Оба Холодильниковы, Снегирёв и Савичев, приседая к земле, тянули верёвку вверх, тянули дружно, пыхтя и на-

дуваясь...

И поднималось Кузькино тощее тело кверху, к суку старой берёзы... И крутились его вытянутые ноги волчком, – то вправо быстро закрутятся, приостановятся и начинают раскручиваться влево... Руки его вытянулись вдоль тела... Голова с шеей, затянутой петлёй, откинулась назад... На лицо упали красно-красные лучи заходившего солнца... Широко раскрытые глаза стали стеклянными, точно вывалиться хотят... Из рта вывалился длинный и широкий красный язык...

Увидали дети красный вывалившийся язык Кузьки и со страшными глазами бросились бежать от берёзы... Бежали вдоль канав, спотыкались и вновь бежали... Бежали Рыжаконским пустырем молча и поспешно.

Дальше, дальше от страшной берёзы...

* * *

Поздно вечером отец Кузьки сидел на кухне у стола и бранил Кузьку, – почему он так долго шляется по ночам...

– Господские дети вернулись по домам, а он... на-ко поди, всё ещё шляется... Погоди, дьяволёнок, я тебя... Придёшь... Придёшь...

А Кузька висел на старой берёзе на Рыжаконском пустыре... Висел, высунув потемневший распухший язык и расширив большие стеклянные глаза, обращённые к тёмному,

облачному небу...